

З. Шифельбейн-Соколевич

О ПРИМЕНИМОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНОГО МЕТОДА В ТОЛКОВАНИИ ИЗМЕНЕНИЙ КУЛЬТУРЫ¹

В 1922 г. Бронислав Малиновский и Альфред Реджинальд Рэдклиф-Браун, создатели так называемой функциональной школы в социальной антропологии, выпустили в свет две книги, написанные по материалам их многолетних экспедиционных исследований². Эти работы ввели новые функциональные методы в социальную антропологию.

Представители функционализма стремились в своих исследованиях опираться на факты, проверенные эмпирически. Но, исследуя прежде всего функции, для выполнения которых возникли разного рода социальные институты, они фактически отказались от поисков их генезиса³.

В отличие от диффузионистов функционалисты ввели вместо формальных функциональные критерии идентификации факта и перенесли свое внимание с предметов культуры на определенные системы человеческой деятельности и общественных отношений. От нового направления ожидали эмпирически обоснованной теории развития человечества и культуры.

Изменения, которые внесли Малиновский и Рэдклиф-Браун в науку, зачастую определяют как революцию в социальной антропологии. Утверждение, что каждый предмет, каждый обычай, каждое культурное явление выполняют какую-нибудь функцию, сыграло в свое время существенную роль в организации исследований.

В то же время появились и другие оценки функционализма, например в 1964 г. вышла в свет работа Я. Джарви «Революция в антропологии»⁴, автор которой сомневается в прогрессивности сформулированных функционалистами методологических положений и, анализируя культы карго, доказывает, что теории, созданные на основе функционально-структурного подхода, не дают возможности объяснить социальные

¹ Печатаемая статья польского коллеги, редакция журнала «Советская этнография» приглашает своих читателей высказаться по затронутым в ней дискуссионным вопросам о научной значимости функционально-структурного метода. Отношение советских ученых к этому методу наиболее полно рассмотрено в работе Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина «Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма» (сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951); многочисленные замечания о функционализме имеются в сб. «Социология в СССР», т. II, М., 1966. Статья на эту же тему опубликована автором в журнале «Etnografia Polska», t. XIV, cz. I, 1969.

² B. M. Malinowski, *Argonauts of the Western Pacific*, London, 1922; A. R. Radcliffe-Brown, *The Andaman Islanders*, Cambridge, 1922.

³ A. R. Radcliffe-Brown, *Explanation in social science*, London, 1963; P. Sztompka, «Wyjasnienia funkcjonalne» w socjologii i antropologii społecznej, «Studia Socjologiczne», 1968, № 3—4, s. 217—242 (в этой работе впервые на польском языке проводится логический анализ функционального метода); Г. М. Андреева, Е. П. Никитин, *Метод объяснения в социологии*, «Социология в СССР», т. I, М., 1966.

⁴ I. C. Jarvie, *The Revolution in anthropology*, London, 1964.

нения⁵. Джарви несомненно, справедливо подчеркивает слабые стороны функционализма-структурализма. Но, впадая в крайность, он не выявляет исследовательские возможности предложенных представителями этой школы методов. Утверждение Джарви, что функционализм-структурализм не объясняет культурных изменений, представляется недостаточно аргументированным.

В данной статье я попытаюсь проанализировать некоторые положения этого научного направления и показать его исследовательские возможности. Под функционализмом-структурализмом я понимаю, как это принято в британской социальной антропологии, совокупность методологических основ исследования и теорий, сформулированных Б. Малиновским (классический «чистый» функционализм), А. Р. Рэдклиф-Брауном (структурализм) и их учениками. Это направление и по целям и по методам коренным образом отличается от современного структурализма, представленного в этнологии К. Леви-Строссом. Думается, что эти два научных направления объединяет только название. Я имею в виду главным образом работы современных функционалистов — Р. Фёрта, Глюкмана, Э. Лича, М. Фортеса, Л. Мэр, Е. Ф. Эвенс-Причарда, Ричардс — классиков современного функционализма-структурализма, а также труды их последователей. Известны различия во взглядах на ученых. Но отношение к теории познания у них во многом сходно. представляется особенно важным.

В трудах функционалистов-структуралистов весьма часто встречается термин «изменение», однако мы не находим у них точного определения этого понятия. А. Р. Рэдклиф-Браун подчеркивал, что социальный антрополог исследует действующий, а следовательно, изменяющийся процесс общественной жизни, причем изменение и продолжение, по его мнению, — это две стороны одной медали⁶. По словам Б. Малиновского, «временные функционалисты-структуралисты к понятию «изменение» добавляют прилагательное «социальное»: «Культурное изменение является процессом, благодаря которому существующий общественный тип, т. е. его социальная, духовная и материальная культура, преобразуется в иной тип»⁷. Этот разноречивый объясняется тем, что некоторые социальные антропологи по-разному определяют такие исходные понятия, как культура и социальная структура⁸.

В учебнике социологии Р. М. Мак-Айвера и С. Х. Пейдж приводится ряд терминов, определяющих разного рода социальные изменения: 1) длительные изменения, которые нельзя определить как процесс или изменение и т. п.; 2) непрерывные направленные изменения, в том числе: количественные, с учетом таких величин, как рост, накопление (аккумуляция) и т. п.; б) качественные, в смысле структурных или функциональных различий, определяемые, как эволюция, развитие; в) изменения, качественные, рассматриваемые в их отношении к господствующей в обществе системе ценностей — прогресс, упадок, разложение, рождение; г) изменения, определяемые по отношению к другой системе, — приспособление, адаптация, аккомодация, ассимиляция и т. п.⁹ Все из приведенных типов изменений исследуются функционалистами-структуралистами. Они занимались и занимаются главным образом изменениями в границах системы, которые не приводят к преобразова-

⁵ Здесь не рассматриваются отдельные стороны культуры карго. Компетентное мнение об этом могут высказать специалисты — религиоведы и океанисты.

⁶ A. R. Radcliffe-Brown, *Structure and function in primitive Society*, London, 1952.

⁷ B. M. Malinowski, *The dynamics of culture change*, New Haven, 1945, p. 16.

⁸ Малиновский и Рэдклиф-Браун дают этим понятиям разные определения. В работе Малиновского культуре придается значение орудия. См. «B. M. Malinowski, *Anthropological theory of culture*, New York, 1960, pp. 150, 162. Иных взглядов придерживается Рэдклиф-Браун. Он обосновывает их, например, в работе «*Structure and function in primitive society*».

⁹ R. M. Mac-Iver, C. H. Page, *Society*, London, 1961, p. 523.

нию этой системы в целом. Их прежде всего интересуют изменения, вызванные вмешательством извне. Такое вмешательство нередко приводит к целому ряду последовательных изменений внутри системы и порой заканчивается существенным преобразованием самой системы. Именно этот тип изменений был в центре внимания Малиновского. Он называл его культурным контактом.

В упомянутой выше работе Джарви справедливо ставит вопрос о том, каких же результатов достигают социальные антропологи функционально-структурного направления в толковании культурного изменения. Но прежде чем ответить на него, следует установить, как относились к изменениям представители других, главным образом предшествовавших интересующей нас школе, направлений. Необходимо выяснить, составляет ли интерес к изменениям и принятые способы его изучения специфику функционализма-структурализма.

Историко-философские течения, непосредственно предшествовавшие научной этнографии, а позднее также и различные направления этой науки были в основном теориями изменений в сфере культуры, а зачастую и в более широкой области. В XVIII в. господствующее положение заняла теория прогресса. Она помогла преодолеть широко распространенный раньше взгляд о статичности общества и стала исходным пунктом для создания теории эволюции культуры, связанной с первым научным направлением — эволюционизмом. Одна из целей эволюционистов — объяснение различий между одновременно существующими культурами мира. Ввиду широты философских основ теории эволюционизма воспользоваться ею мог каждый ученый, занимался ли он проблемами семьи, мифами и религией или же систематизацией материальной культуры¹⁰. Представители этой школы не выработали теории конкретного изменения, они не выделяли проблемы изменения, как такового. Предметом исследования этнолога-эволюциониста была изменяющаяся культура, причем изменение считалось самой сущностью культуры. Теория эволюции указывала на направленность изменений, как на их основную сущность, т. е. утверждала, что предпосылки каждой последующей стадии содержались в предыдущей. Следовательно, изменение рассматривалось одновременно и как продолжение, и как преодоление существующего положения. Большинство эволюционистов опиралось в своих обобщениях главным образом на наблюдения других исследователей. Исключением был лишь Л. Г. Морган, сам занимавшийся непосредственным изучением индейцев Северной Америки¹¹. Тэйлор говорил о необходимости изучения информатора, чтобы установить насколько правдоподобны получаемые от него сведения. Он настаивал также на необходимости подтверждения данного факта аналогичными примерами.

Предметом культурно-исторического направления, одного из главных направлений диффузионизма, также являются изменения культуры. Наиболее популярные теории культурно-исторической школы — теории культурных кругов (впрочем, отброшенная ранее других) и теория контакта, — рассматривают изменения в обществе, возникающие в результате взаимодействия явлений культуры путем непосредственных контактов. Диффузионистов, как и эволюционистов, интересует изменение в его исторической перспективе. Как и эволюционисты, они объясняют современное различие культур их прошлым. Вместе с тем изменение, по их мнению, происходит не путем эволюции, а путем диффузии.

Представители диффузионизма стремились к обстоятельной проверке эмпирического материала, собранного в поле. С этим, несомненно, связано дальнейшее развитие методологических основ и способов этнологических исследований. Устанавливался минимум данных, необходимых

¹⁰ L. H. Morgan, *Ancient society*, New York, 1877; E. B. Tylor, *Primitive culture*, London, 1870.

¹¹ L. H. Morgan, *The Indian Journals*, 1859—62, Ann Arbor, 1959.

для описания культурного явления с тем, чтобы в дальнейшем исследовании его можно было бы проверить. Исследовательский процесс начинался еще в поле. Следовательно, сами источники в понятии как эволюционистов, так и представителей культурно-исторической школы были одни и те же. Это по-прежнему — полевые материалы.

Характерно, что и Малиновский и Рэдклиф-Браун в своих трудах не раз возвращались к эволюционизму¹². Они в принципе не отрицали теорию эволюции, а оспаривали только культурную непрерывность и не признавали фактов, установленных эволюционистами теоретически. Они требовали, чтобы основой были только факты, проверенные эмпирическим путем. Эволюционизм был особенно близок Малиновскому¹³. Он, безусловно, ценил перспективность исследований эволюционистов. Однако его усилия были направлены на создание эмпирической этнографической науки, которая пользовалась бы индуктивным методом как основой исследования. В противоположность эволюционистам Б. М. Малиновский и особенно Рэдклиф-Браун, много внимания уделяли явлениям, которые можно непосредственно наблюдать. Истинной, объективной реальностью, по Малиновскому, являются человеческие поступки. Записанные в форме наблюдений исследователей, они могут стать основой дальнейших индуктивных умозаключений.

Функционалисты-структуралисты, как и диффузионисты, утверждали, что человеческая культура едина. Разнородность культур Малиновский, например, объяснял разнообразием способов удовлетворения общечеловеческих потребностей с помощью такого инструментального аппарата, как культура. Рэдклиф-Браун шел еще дальше в понимании предмета познания. Он утверждал, что конкретная действительность, с которой имеет дело социальный антрополог при наблюдениях, описании, сравнении и классификации, является процессом общественной жизни. Единицей исследования выступает общественная жизнь людей определенного района мира в определенный отрезок времени¹⁴. При таком подходе понятия «культура» и «культурная традиция» могли быть использованы для выделения отдельных аспектов процесса общественной жизни, но не всего процесса в целом. Рэдклиф-Браун считал, что культура и культурные традиции — это именно то, чем общественная жизнь человека отличается от общественной жизни других животных видов¹⁵. Однако, по мнению ученого, мы можем наблюдать не культуру, а отношения, возникающие между людьми. О развитии культуры мы можем судить только косвенно, благодаря исследованию общественных отношений.

Деление на культуру и социальную структуру (названную формой общественной жизни) отражало не мнимый спор о терминах, — это была дискуссия, вторгавшаяся в область теории познания, которой, однако, в трудах Рэдклифа-Брауна уделялось несколько меньшее внимание, чем у Малиновского. По-разному относились эти ученые к проблеме культурного изменения. Единицей исследования у Малиновского, как и у Рэдклифа-Брауна является социальный институт, который понимается как организованная форма человеческой деятельности. Но Малиновский считал, что институты данного общества, возникшие для удовлетворения его потребностей, образуют систему. По Рэдклифу-Брауну такую систему создает сеть общественных отношений в границах данной группы. Институты тесно взаимосвязаны, изменение в системе потребностей вызы-

¹² A. R. Radcliffe-Brown, *Method in social anthropology*, Chicago, 1958, p. 178; B. M. Malinowski, *A scientific theory of culture*, p. 212.

¹³ На это указывают, в частности, его рассуждения в книге «A scientific theory of culture». Методологически более глубоко освещен этот вопрос в статье: Leo A. Despres, *Anthropological theory, cultural pluralism and the study of complex societies*, «Current Anthropology», vol. 1, 1965, pp. 3—27.

¹⁴ A. R. Radcliffe-Brown, *Structure and function in primitive society*, p. 4.

¹⁵ Там же, стр. 5.

вает изменение в каждом из них и во всей системе. Следовательно, если институты удовлетворяют потребности (для чего они и были созданы), то вся система находится в состоянии равновесия. Проверкой соответствия потребностей и институтов, и одновременно ценности всей системы служит длительность ее существования.

Вывод Малиновского о том, что культура — инструментальный аппарат для удовлетворения человеческих потребностей, привел его к заключению, что каждое явление имеет функцию, существенную для сохранения системы. Каждый из элементов культуры выполняет функцию в системе удовлетворения потребностей. Сам факт существования культуры говорит о возникшей ранее необходимости в системе потребностей.

Ход этих рассуждений приводит к следующему заключению: если система существует, то она удовлетворяет потребности, а если удовлетворяет потребности, то значит она хороша, и всякое изменение ведет к ее ухудшению. Из этого утверждения вытекали и соответствующие политические выводы: Малиновский считал, что системы традиционных культур Африки и Океании не следует менять (наиболее целесообразно осуществлять дистанционное управление этими странами, не нарушая их структуры¹⁶). Теоретические взгляды Малиновского оправдывали косвенное управление, которое было разновидностью колониального управления, навязанного европейскими колонизаторами народам Африки и Океании.

Рэдклиф-Браун в большей степени допускал возможность временного изменения внутри системы. Ученики как Малиновского, так и Рэдклиф-Брауна, еще сильнее подчеркивали эту идею.

У Малиновского нет столь характерной для его учеников концепции внутренней динамики системы (без качественных изменений). Его интересовала теория культурного контакта¹⁷, которая должна была объяснять изменения в доиндустриальных обществах в тот период, когда они пришли в соприкосновение с западной индустриальной цивилизацией.

Изменения, несомненно, возникали в результате контакта, но одного понятия контакта недостаточно для их объяснения. Думается также, что в этих случаях эмпирическое описание весьма затруднительно. Вся система в условиях изменений не стабильна, не всегда возможно определить и направление изменений. Если даже, следуя предположению Фортеса, мы будем исследовать не возникшие обычаи как независимые явления, а поведение людей, изменения в общественных отношениях, то и тогда будет трудно установить, что в поведении людей ведет к стабилизации и создает таким образом зародыш новой системы, а это является только переходной случайной формой.

При изучении культурного изменения встают новые проблемы теории познания по сравнению с теми, которые возникают при описании стабилизированной системы. Эти проблемы стремился решить Рэдклиф-Браун, предлагая объединить диахронное и синхронное описание¹⁸. Попыткой решения этой проблемы было предложение повторного описания данного общества через некоторое время, так называемого описания «двадцать лет спустя»¹⁹.

Наиболее интересно и полно трактовали культурное изменение Годфрей и Моника Вильсоны²⁰. Концепция этих ученых заключается в следующем: общественные силы всегда стремятся к равновесию. Нарушения этого равновесия в тропических странах неизбежны — таким путем

¹⁶ L. Mair, *An introduction to social anthropology*, Oxford, 1965, p. 23.

¹⁷ B. M. Malinowski, *The dynamics of culture change*, p. 154.

¹⁸ A. R. Radcliffe-Brown, *Structure and functions in primitive society*, p. 4.

¹⁹ R. Firth, *We the Tikopia*, London, 1936; *еро же*, *Social change in Tikopia*, London, 1959.

²⁰ M. Hunter (Wilson), *Reaction to conquest*, London, 1936; M. Wilson, *Good company, a study of Nyakyusa age-villages*, London, 1951; G. and M. Wilson, *The analysis of social change, on observations in Central Africa*, Cambridge, 1954.

происходит их индустриализация. По мнению Г. Вильсона, социальное изменение заключается в изменении масштаба действия общественных отношений, что в первую очередь зависит от существующих и доступных в изучаемый период средств связей между людьми. По их мнению, «общая степень» зависимости одних людей от других одинакова во всех обществах, но может иметь меньший или больший радиус действия. «Интенсивность отношений в более узких кругах уменьшается по мере того, как увеличивается их интенсивность в более широких кругах»²¹.

Вопрос о типе и радиусе действия общественных отношений всегда находится в центре внимания каждого исследователя социальных изменений. В то же время пути общественной связи и типы получения информации практически не изучаются. Социологами исследованы массовые средства передачи и связи. Однако нет монографий, которые рассматривали бы эту проблему по отношению к традиционной системе, являющейся объектом изменения.

Вильсоны исходят из предпосылки, что в каждом обществе и в каждом типе отношений в обществе выступают элементы материальные, религиозные, а также структурные формы, причем материальные и религиозные элементы общества относительно автономны. Исследователи считают, что существующее в настоящее время нарушение равновесия в Центральной Африке вызывается ускоренным развитием материальных элементов общества²².

Мысль Вильсонов о расширении сферы общественных отношений имеет сходство с теоретическими воззрениями Редфилда, считавшего, что прогресс в мировой истории основан на расширении сферы общественных отношений. Применяя деление общества на крестьянское и городское, Редфилд пытался показать основное изменение сферы отношений между этими двумя подразделениями. При этом главную роль после аграрной революции Редфилд приписывает урбанистической революции²³.

Вероятнее всего, вторжение индустриальной цивилизации в доиндустриальные племенные общества привело к тому, что в социальной антропологии проблематика изменения стала конкретной темой научного исследования системы. При этом был отвергнут статичный подход к явлениям. В соответствии со своей теорией познания, Малиновский и Редклиф-Браун определяли изменение как отклонение от стабильной системы. Это явное сужение проблемы показывает, по нашему мнению, ограниченность научных основ и методов социальной антропологии, предложенных функционалистами-структуралистами.

В современной буржуазной социологии и этнографии сформулировано много разных теорий изменений и классифицированы формы изменений. Критику некоторых из этих теорий мы находим в советской литературе²⁴. Сторонники теории контакта нередко забывают о том, что племенные общества изменяются и изменялись бы и независимо от вторжения западной цивилизации. Внутри этих обществ, несомненно, и ранее действовали силы, вызывавшие внутренние конфликты. Процесс изменения нельзя свести только к влиянию западной культуры.

Радикальное преобразование системы или возникновение в ее пределах совершенно нового института естественно отличается от тех изменений, которые вызваны временным нарушением системы или появлением внутренних противоречий, которые бывают нередко условием существования системы. Под влиянием индустриального общества, когда возникает государственная организация, экономика страны втягивается в

²¹ G. and M. Wilson, Указ. раб., стр. 40.

²² G. and M. Wilson, Указ. раб.

²³ R. Redfield, *The folk culture of Yucatan*, Chicago, 1941; его же, *Village that chose progress*, Chicago, 1930.

²⁴ См., например, Ю. Н. Семенов, *Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии*, М., 1965, стр. 182 сл.

систему мирового рынка, происходят радикальные изменения, изменение значения, чем упомянутые выше. Те перемены, которые ведут к временному нарушению равновесия и возникают в результате временного изменения отношений между отдельными элементами системы, — это как бы внутреннее дело самой системы. Перемены другого рода (приводящие к изменению системы в целом) представляют собой введение совершенно новых элементов. Так, анализ В. Турнером конфликта между матрилинейным наследованием и вирилокальным поселением у ндембу и О. Ричардс у бемба показал, что в этом конфликте играют роль лишь составные элементы самой системы, и следовательно, силы, действовавшие изнутри. Подобные же временные нарушения равновесия социальной системы качинов, описанные Э. Личем, можно объяснить или при помощи анализа механизма функционирования системы, или же путем анализа конфликта двух соседних, известных нам систем примитивных обществ. При этом для поддержания установившегося между ними контакта не требуется создания дополнительных институтов.

Приведенные выше примеры временного изменения в рамках данной системы можно, как правило, четко и ясно объяснить с помощью функционального анализа. Следует разобратся, подходит ли этот метод для исследования радикальных изменений, когда после великих географических открытий большинство племенных обществ оказалось под колониальным игом.

Социальные антропологи считают исторический факт соприкосновения племенных культур с индустриальными исключительно важным. Были созданы понятия для обозначения исходных пунктов, с которых начинается процесс радикального изменения племенной культуры при столкновении ее с западной цивилизацией: понятия нулевой точки и исходной линии (base line). Предполагалось, что система данных обществ находится в нулевой точке или в состоянии равновесия. Считали, что состояние равновесия начало колебаться только с момента контакта с европейцами. После этого система проходила последующие стадии изменения: адаптации, аккультурации, исчезновения некоторых институтов и возникновения новых. Эти изменения нельзя было объяснить функционированием присущих ей элементов. При анализе нужно было учитывать процессы столкновения с другой системой. Но такое исследование давало немного, закрывая перед ученым историческую перспективу.

При анализе систем, подвергающихся радикальному изменению, возникали новые вопросы: что должно стать точкой отсчета, по отношению к которой можно определять изменение. Нужно ли анализировать обе взаимодействующие системы, как целостности или только отдельные институты, а может быть только сферу потребностей. На эти вопросы пытался ответить Малиновский²⁵. Однако высказанные им взгляды представляются недостаточно убедительными. Малиновский выдвинул относительно новую идею, которая уже намечалась в биологических науках, — идею института гибридного типа. Но, если мы примем концепцию гибридизации института, это по существу будет обозначать, что мы отбрасываем поиски причин и основываем свое толкование явлений на элементах случайности.

В современных исследованиях групп, находящихся в ситуации изменения, весьма трудно установить, что в поведении людей нужно рассматривать как реакцию, соответствующую нормам традиционной системы, а что является результатом воздействия норм новой стабилизирующейся системы, и что следует считать действиями, зависящими от обстоятельств, существование которых возможно в той и другой системе.

Л. Мэр с сожалением пишет, что социальный антрополог, исследующий изменяющиеся группы, ввиду отсутствия удовлетворительных кри-

²⁵ B. M. Malinowski, *Dynamics of culture change*, p. 52.

териев не в состоянии определить, какие из изменений носят длительный характер, а значит, стабилизируют новую систему²⁶. Ученым мешает также неисторический подход к исследованию культурного изменения.

Совершенно очевидно, что концепция ситуационной реакции, выдвинутая М. Глюкманом²⁷, также не помогает выяснить, носят ли постоянный характер изменения, исследуемые в данный момент.

Метод Глюкмана может применяться для исследования микроструктуры. Предложение Т. Парсонса об использовании метода М. Глюкмана для исследования макроструктуры трудно принять потому, что при этом не учитывается способ объединения результатов изучения микроструктуры и макроструктуры²⁸.

Работы этнографов, занимающихся сложными структурами, в частности — исследования регионального типа в Польше, ряд исследований из области культурной и социальной антропологии и экономической истории, в которых рассматриваются макроструктуры в их более широком понимании, чем у представителей классического функционализма, выявляют весьма существенный аспект изучения культурного изменения. Так, например, по мнению В. Кула, даже самый тщательный анализ натурально-крестьянского хозяйства не поможет выяснить его характер и причины его изменений, если мы не соотнесем эту систему с более широкой системой и не учтем совокупность причинных зависимостей, соединяющих обе эти системы²⁹. Но вместе с тем, необходимо иметь в виду, что микроструктуры составляют лишь часть макроструктуры. Применение учеными функционально-структурного метода затрудняется тем, что он не дает возможности выявить взаимосвязь между макроструктурой и микроструктурой. Все еще остается неизвестной основа соединения макроструктуры с микроструктурой. Кроме того, число переменных, входящих в этом случае в круг исследования, потребовало бы применения математических машин.

Примером теории изменения, основанной на исторических исследованиях макроструктуры, являются некоторые работы Л. Крживицкого³⁰.

Функциональный метод — это один из методов, какими оперируют функционалисты-структуралисты. Пользуются этим методом при исследованиях изменений в культуре. Многие теории, созданные в результате этих исследований, оказались ошибочными. Неудачи в объяснении культурного изменения в известной мере объясняются и тем, что познавательное значение функционального метода сводится к выявлению автоматических механизмов системы (о чем говорилось выше), что уже само по себе исключает возможность подобного анализа при исследовании радикального изменения.

²⁶ L. Maier, Указ. раб., стр. 247—249.

²⁷ M. Gluckman, Custom and conflict in Africa, Oxford, 1955, p. 290.

²⁸ T. Parsons, Structure and process in modern societies, Glencoe, 1960, p. 250.

²⁹ W. Kula, Teoria ekonomiczna ustroju feudalnego, proba modelu, Warszawa, 1962, s. 14, 15.

³⁰ L. Krzywicki, Idea a zycie, «Studia socjologiczne», 1951, pp. 41—149.